А. И. УЛЬЯНСКИЙ

НЯНЯ ПУШКИНА

О МОГИЛЕ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ *

Я отыщу тот крест смиренный, Под коим, меж чужих гробов, Твой прах улегся, изнуренный Трудом и бременем годов. Пред ним печальной голювою Склонюся; много вспомню я — И умиленною мечтою Душа разнежится моя.

(Н. М. Языков, «На смерть няни А. С. Пушкина», 1830 г.)

Первые сведения о месте и годе смерти Арины Родионовны появились в печати в 1852 г., когда двоюродный дядя поэта Александр Юрьевич Пушкин писал: «Арина Родионовна находилась по смерть свою у Ольги Сергеевны Пушкиной (в замужестве Павлищевой), случившуюся в 1824 году или около того времени». 62

Автор этих строк явно заблуждался, указывая этот год смерти

Арины Родионовны.

В 1824—1826 гг. — годы изгнания поэта — Арина Родионовна была неотлучно с поэтом в селе Михайловском, а в 1827 г. в январе и марте писала еще из Михайловского в Петербург поэту письма, сохранившиеся до настоящего времени.

В мае и июне того же 1827 г. завязалась оживленная переписка по поводу посвященного Н. М. Языковым стихотворения «К няне А. С. Пушкина», написанного им 17 мая в Дерпте. ⁶³ Стихотворение это начиналось словами: «Васильевна, мой свет». Препровождая его при письме от 18 мая А. Н. Вульфу, Н. М. Языков говорит: «это обещанное послание к няне (сколько помню зовут ее Васильевна?)».

Мать А. Н. Вульфа Прасковья Александровна Осипова в том же месяце посылает это стихотворение Языкова при своем письме А. С. Пушкину, исправив слово «Васильевна» на «Платоновна». ⁶⁴ Видимо, сама Осипова не помнила отчества няни Пушкина.

6 июня того же года Н. М. Языков, узнав, что няню зовут не Васильевна, а Родионовна, пишет Вульфу: «Мне очень жаль, что няня не Васильевна». 65

Стихотворение это в исправленном виде — «Свет Родионовна» — опубликовано было в «Северных Цветах» на $1828~\mathrm{r.}$ еще при жизни Арины Родионовны. 66

^{*} Эта глава ранее была напечатана в журнале «Звезда» 1938 г, № 1, январь. Ныне печатается с некоторыми сокращениями и добавлением новых материалов.

О. С. Павлищева в своих воспоминаниях (написанных с ее слов в 1851 г.) говорит об Арине Родионовне: «Умерла она у нас в доме в 1828 году лет семидесяти с лишним от роду, после кратковременной болезни». 67

Ольге Сергеевне легко было запомнить год смерти няни, так как это год ее замужества. Замужество Ольги Сергеевны состоялось 25 января 1828 г.

П. В. Анненков, пользуясь этими же воспоминаниями О. С. Павлищевой, повторяет: «Почтенная старушка умерла в 1828 году, семидесяти лет, в доме питомицы своей О. С. Павлищевой». 68

Несмотря на эти публикации, П. О. Морозов относил смерть Арины

Родионовны к 1829 г. ⁶⁹

Племянник поэта Л. Павлищев в своих воспоминаниях писал, что няня «переехала в дом отца тотчас после его свадьбы, где мать моя и закрыла ей глаза в конце 1828 года». 70

В 1884 г. В. Е. Якушкин, ⁷¹ изучая рукописные тетради А. С. Пушкина, впервые отмечает запись поэта, рядом с его наброском «Волненьем жизни утомленный», ⁷²

25 июня (Фанни) Няня Elisa e Claudio *

относящуюся, видимо, к последующим за какой-то промежуток времени событиям. По положению этой записи в тетради они относятся им к 1828 г.

В. Е. Якушкин приводит указанную запись поэта без всяких комментариев.

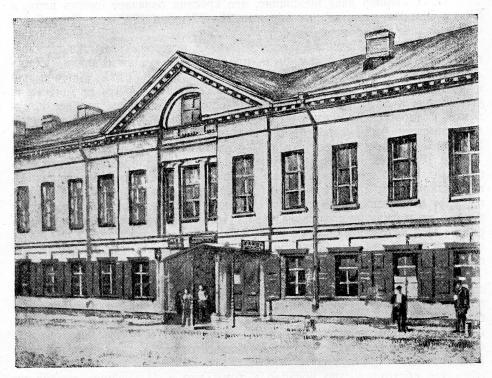
В 1899 г., к столетию со дня рождения поэта, интерес к личности няни, ее судьбе и к месту погребения и розыску ее могилы еще более усилился. 12 августа 1899 г. в № 8425 петербургской газеты «Новое Время» появилась статья И. Щеглова под названием «Дом, где скончалась няня Пушкина». В этой статье И. Щеглов пишет, что в январе 1828 г., с лишком семьдесят лет назад, в доме Дмитриева по Большому Казачьему пер. поселилась «родная и единственная сестра А. С. Пушкина, Ольга Сергеевна, перевенчанная незадолго перед тем тайно от своих родителей с Николай Ивановичем Павлищевым. Здесь Ольга Сергеевна Павлищева прожила с лишком четыре года. Отсюда поэту суждено было проводить свою любимую няню Арину Родионовну в ее последнее жилище...». «Она скончалась на руках О. С. Павлищевой в упомянутом доме Дмитриева на восьмом десятке от роду» и далее: «Бедная няня Пушкина! Неужели же ее "смиренный крест" так и не отыщется? Неужели эта любвеобильная женщина, так трогательно воспетая двумя поэтами, самые незначительные записки которой Пушкин берег наравне с посланиями мировых знаменитостей... женщина, всю свою жизнь заботившаяся и молившаяся о других, останется постыдно затерянной, без достойного ее самоотвержения памятника?! Нам, благополучно здравствующим обывателям столицы, должно поставить в большую вину, что мы ничего не сделали в разгар Пушкинских торжеств в память той, которая сыграла в частной и литературной жизни великого поэта оригинальную и благодетельную роль... В каком месяце скончалась, какого числа, когда и где схоронена, все это, к искреннему прискорбию почитателей

^{*} Перевод (с итальянского): Элиза и Клавдий.

Пушкина, остается пока покрыто мраком неизвестности». Почти одновременно, 28 августа, в иллюстрированном приложении к газете «Новое Время», № 8441, был помещен снимок «Дома Дмитриева, в котором

скончалась няня Пушкина».

На статью И. Щеглова, видимо, никто не откликнулся, и в 1902 г. тот же И. Щеглов, сообщая дополнительные сведения о доме Дмитриева и могиле няни, ⁷³ рассказывает, что, занимаясь розысками в доме Дмитриева в Большом Казачьем переулке, где, по его данным, жили Павлищевы с 1828 по 1832 г. и где, следовательно, умерла Арина Родионовна, он получил даже упрек за подписью какого-то «русского», почему он не посвятил свой досуг розыскам могилы няни Пушкина.

Дом, бывший Дмитриева в Петербурге в Большом Казачьем переулке, где жила О. С. Павлищева.

Вход к ней под воротами, налево, в первом этаже. Здесь бывали: Пушкин, А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский, М. И. Глинка и другие друзья поэта. Дом снесен в 1901 г. Φ от. 1899 г.

Щеглов принимал меры к обнаружению места погребения Арины Родионовны. «Тщательно рылся, — пишет он, — как в метрических книгах Введенской церкви, так равно и в церковном архиве Волкова кладбища, как старейшего; расспрашивал по этому поводу, кого только мог, начиная от племянника Пушкина «Л. Н. Павлищева», кончая дворником дома, где жил камердинер Пушкиных, перечел все, что нашел на этот счет по книжной части... словом, сделал все, что было в моих скромных средствах сделать на месте... Вопрос о месте упокоения почтеннейшей Арины Родионовны остается пока открытым». Вместе с тем он отмечает, что в Опочецком уезде держатся предания, «будто бы безымянный простого тесаного камня крест, находящийся по правую руку могилы Пуш-

кина (между памятником Пушкина и памятником игумена Святогорского монастыря Геннадия), и есть тот крест, о котором аллегорически вспоминает Татьяна»:

Где ныне крест и тень ветвей Над бедной нянею моей.

Был Щеглов и в деревне Кобрине «на родине няни», но и там не нашел никаких сведений о ее захоронении.

В 1911 г. Н. О. Лернер опубликовывает снова ⁷⁴ известную уже от В. Е. Якушкина запись поэта, относимую и им, Н. О. Лернером, также к 25 июня 1828 г., с весьма важным дополнением в части интересующего нас вопроса о няне: с крестиком возле слова «няня».

Н. О. Лернер дает пояснение, что крестик означает смерть няни, а Elisa e Claudio — постановку впервые 21—22 июня 1828 г. в Петербурге

оперы итальянского композитора Меркаданте.

В 1925 г. в «Вечерней Красной газете» появилась заметка с указанием, что «истекшим летом были предприняты попытки найти могилу Арины Родионовны, умершей в 1829 году в доме О. С. Павлищевой и похороненной на Охтенском кладбище». «Попытки найти ее могилу не увенчались, к сожалению, успехом. По справке оказалось, что все документы кладбищенской конторы за XIX век давно уничтожены». Автор этой заметки был уверен, 75 видимо, в том, что няня похоронена на Больше-Охтенском кладбище и что остается только разыскать ее могилу.

В 1928 г. В. И. Чернышев писал, посетив Михайловское, «что есть предание, будто няня жила, но не ужилась с Павлищевыми и вернулась в Михайловское. Там же она будто и скончалась и похоронена в Святогорском монастыре близ того места, где впоследствии был похоронен и поэт, но могила не сохранилась». Об этом месте погребения няни говорили ему и потомки священника Шкоды, современника поэта. От других слышал он там, будто она похоронена на Воронечском кладбище (от семьи бывшего управляющего Пушкиных, в деревне Навдыши). 76

Вскоре после этой публикации Чернышева, по инициативе Комиссии по охране и изучению кладбищ, на основании местных преданий (ставших почему-то впервые известными спустя сто лет), установлена была на Больше-Охтенском кладбище в весьма торжественной обсгановке в присутствии представителей Академии Наук и общественных организаций мемориальная доска в память столетия со дня смерти Арины Родионовны. 77

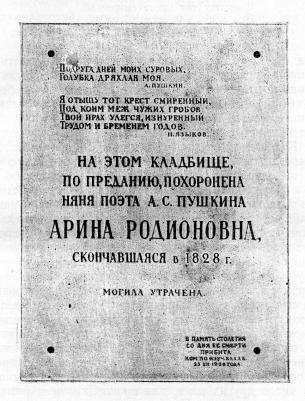
Это обстоятельство привело к тому, что в дальнейших трудах по пушкиноведению вопрос о месте погребения Арины Родионовны стал трактоваться как определенно установленный. А. Яцевич пишет, что О. С. Павлищева жила в Большом Казачьем переулке, в доме Дмитриева. «Здесь четыре года прожила сестра А. С. Пушкина — Ольга Сергеевна... Добрым гением дома была няня Пушкиных, Арина Родионовна... В середине 1828 года скромная похоронная процессия проводила прах доброй старушки к месту ее последнего упокоения на Больше-Охтенском кладбище». 78

В 1936 г. М. А. Цявловский снова воспроизводит раньше дважды приводившуюся запись поэта (относимую им также к 25 июня 1828 г.) отлично от В. Е. Якушкина и Н. О. Лернера:

25 июня Фанни Няня † Elisa e Claudio Ня (далее неразборчиво) При этом М. А. Цявловский дополняет Н. О. Лернера предположением, что Фанни — имя одной полусветской дамы, известной по стихотворению «К Щербинину» (1819 г.); запись о няне поясняет также, как указание на смерть ее, и, наконец, уточняет, что первый спектакль «Elisa е Claudio» относится к 15 июня и что возможно присутствие Пушкина на втором спектакле 22 июня. Постановка этой оперы возобновлена была, по его данным, снова 27 июля. Впервые приведенному им слогу «Ня» он не уделяет никакого внимания.

Тут же от М. А. Цявловского мы впервые узнаем о неопубликованном письме О. М. Сомова к Н. М. Языкову от 2 октября 1828 г.,

в котором Арина Родионовна названа покойной. 79

Мемориальная доска, ошибочно установленная на Больше-Охтенском кладбище, ныне находящаяся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР в Ленинграде.

Из всего этого вытекало, что приведенные в записи поэта события, в том числе смерть няни, относятся к промежутку времени, имеющему свою конечную дату 22 июня 1828 г., самая же запись поэта относится к 25 июня. Это делало правильность понимания записи поэта подозрительной.

Между тем во всех публикациях о месте погребения Арины Родио-

новны также ничего достоверного не было сказано.

Прежде всего отметим, что возможность перевозки праха няни для похорон на родине или в селе Михайловском мало вероятна. Сложность перевозки и погребения ее там несомненно оставила бы след в воспоминаниях семьи Пушкиных, их друзей и, наконец, в каком-либо поэтическом документе самого поэта.

Посетившие Михайловское, Тригорское и Святогорский монастырь К. Тимофеев (1859 г.) и М. И. Семевский (1866 г.) беседовали там с лицами, хорошо знавшими и помнившими Арину Родионовну, и не отметили в описании этих посещений каких-нибудь сообщений о смерти и погребении ее в тех местах. 80

Сведения, сообщенные много позже И. Щегловым и В. И. Чернышевым, могли рассматриваться нами лишь как результат последующих наслоений, лишенных какой-нибудь преемственности, а потому и досто-

верности.

Известно, что еще в 1830 г. Н. М. Языков в своем стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина» 81 писал:

Я отыщу тот крест смиренный, Под коим, меж чужих гробов, Твой прах улегся, изнуренный Трудом и бременем годов

Из строк Н. М. Языкова можно было предположить, что могила Арины Родионовны сравнительно вскоре после смерти была потеряна.

Стремление жителей разных местностей присвоить себе честь погребения Арины Родионовны понятно, и в этом случае всякие предания должны уступить место документальным материалам.

Утверждение, что она погребена на далеком от города и особенно от Большого Казачьего переулка загородном Больше-Охтенском кладбище (тогда находившемся еще в пределах Петербургского уезда), вызывало у нас сомнение. Трудно предположить, что семья Пушкиных и Павлищевых, в целях какой-нибудь экономии на стоимости кладбищенского места, решилась хоронить свою замечательную няню на столь далеком кладбище, тем более, что при отсутствии тогда Охтенского моста это было связано в летнее время с переправой через Неву. Эти обстоятельства послужили для нас логическим толчком к разысканиям, которые могли бы документально подтвердить или опровергнуть легковерно принятую другими версию о погребении Арины Родионовны на Больше-Охтенском кладбище, основанную на столь подозрительно поздно дошедших до нас местных преданиях, тем более, что при проверке этих преданий на месте мы могли выяснить следующее. Бывший могильщик Больше-Охтенского кладбища (П. А. Хандрилов), служивший на кладбище, по его словам, с 1893 г., утверждает, что помнит хорошо место, где была каменная плита с фамилией и надписью «Няня Пушкина». Плита эта около 1895 года будто бы покосилась и затем около 1908 г. взята была, в числе других плит, для прокладки на кладбище так называемой Енотаевской дороги. Плиту эту, уложенную будто надписью вниз, можно, по его словам, обнаружить, если вскрыть ряд плит на известном ему Свияжском участке. При этом он ссылается на другого могильщика, служившего прежде на кладбище (Н. Н. Маринкина). Последний подтвердил это предание и указал нам предполагаемое место могилы няни, ныне занятое уже другой могилой, однако не мог поручиться за точность всего этого предания и наличия плиты. Побеседовав с другими старожилами этого кладбища, он мог лишь сказать нам в заключение, «что все это один туман». Сторож кладбища (Г. М. Никитин) показал место погребения Арины Родионовны в другом месте, правда, неподалеку от места, указанного Маринкиным. Ссылались все они и на прежнего священника кладбища, ныне умершего, который был в курсе этого вопроса. Приведенное утверждение об имевшейся якобы до 1908 г. надгробной плите с указанной надписью придает всему преданию еще более недостоверный характер, так как нельзя думать, что в Петербурге в течение 80 лет никто не примечал этой плиты и чтобы сведения о ней, как и о самой могиле, не нашли надлежащего отражения в нашей литературе, тем более после известных слов Языкова и газетной публикации Щеглова в 1899 г.

В описании истории Больше-Охтенского кладбища, ⁸² составленном в 1883 г. священником этого кладбища, в числе замечательных погребенных на нем лиц Арины Родионовны нет, тогда как, например, кормилица Александра I Евдокия Петрова, умершая в 1799 г., упомянута в этом описании. Слишком дорого имя Арины Родионовны всякому, чтобы пропустить или забыть его, и уже наверное в интересах кладбища было упомянуть побольше замечательных людей, нашедших в нем вечный приют. Не оказалось никаких данных о могиле ее и в 1914 г. ко времени составления Петербургского Некрополя, ⁸³ основанного на сообщениях кладбищенского духовенства, сведущих биографов, библиографов и знатоков петербургских кладбиш.

Чтобы окончательно и документально убедиться в несостоятельности этого предания, мы разыскали кладбищенские книги Больше-Охтенского кладбища, тщательно просмотрели записи захоронений 1828— 1829 гг. (которые вопреки приведенной выше газетной заметке оказались существующими) и не нашли ничего похожего на запись погребе-

ния Арины Родионовны.

При всех наших разысканиях мы считали, что, логически рассуждая, Арина Родионовна должна быть похоронена на одном из городских кладбищ. Учитывая проделанную уже И. Щегловым работу по разысканиям в приходе Введенской церкви (Семеновского полка) и на Волковом кладбище и полагая, что предпринятые им еще в 1899 г. поиски могли не иметь успеха прежде всего вследствие выполнения погребальной церемонии, по какой-либо причине, священником другого прихода, мы решили проверить церковные записи другой церкви, недалекой от указанного И. Щегловым места жительства Павлищевых, — церкви Измайловского полка.

Последнее тем более необходимо было сделать, так как 25 января 1828 г. в церкви Измайловского полка тайно от родителей венчалась Ольга Сергеевна с Павлищевым. Не без содействия «поручителей по жениху и невесте», поручиков того же полка Гаврилы Вульфа и Герцовского, венчание было устроено будто в поздний час. При таких обстоятельствах можно было предположить, что Ольга Сергеевна, только поселившаяся в Казачьем переулке, могла пригласить для выполнения траурной церемонии над прахом Арины Родионовны уже знакомых ей священнослужителей церкви Измайловского полка.

Однако это наше предположение не подтвердилось.

Перед нами встал вопрос о достоверности публикации И. Щеглова, что первая квартира Павлищевых была в доме Дмитриева, в Большом Казачьем переулке, где они, по его данным, будто проживали с 1828 по 1832 г., и не почерпнуты ли им эти сведения не из домовых документов, а из рассказов любезных потомков М. Д. Дмитриева.

О проживании Павлищевых в доме Дмитриева мы имеем одно лишь очень ценное указание самого поэта в письме к Нащокину от 7 октября 1831 г.: «отвечай мне как можно скорее, в Петербург, в Казачьем переулке в дом Дмитриева, О. С. Павлищевой, для доставления А. С. П.». Но проживали ли Павлищевы здесь в 1828 г., в год смерти няни?

При проверке нами записей Введенской церкви оказалось, что Павлищевых в документах 1828 г. и последующих лет нет.

В 1829 г. значится в этом приходе вдова купца Дмитрия Дмитриева Ксения Артемьева 70 лет, а в 1832 г. купеческий сын Александр Дми-

ni.	marganen Jues Anes	B6	<u>, 188</u> (17 m)	cen eno	. ¥	
<i>γ</i> 6	hunonha		week k	orpus	mus 76	
	- 3		The same of the same of	, ; ·		
Andraesa es wir Musterwas. 1 Ludumenous yrest a Munn.	uyuuga Austalune Kro uuned ayioons suure Ma.	Bulleonerate Commu-	micano remoerna chamo Musicaneera escus Abana	50 Luara tucos rum	imitas awrana Um.	on was
9.09		30		R		Form
				22		
103		103.			\$7.00 1.00 1.00 1.00 1.00 1.00 1.00 1.00	

Метрическая запись Владимирской церкви о смерти Арины Родионовны,

триев 25 лет. Это убедило нас в том, что дом Дмитриева числился в приходе Введенской церкви.

В 1829 г. в этом же приходе нами обнаружен «Статского советника Сергея Пушкина слуга Никита Тимофеев 51 года» — известный нам Никита Тимофеевич, камердинер поэта и одно время брата его, Льва Сергеевича. Ему по ревизским сказкам села Болдина в 1816 г. было 37 лет. 84

О проживании Пушкиных в этом районе в 1829 г. ничего неизвестно. Известно со слов А. П. Керн, 85 что у Семеновского моста (в этом же приходе) проживали Пушкины в 1827 г

Вместе с тем имеются указания, что в 1828 г. Пушкины проживали в Свечном переулке в доме Касторской. 86 Продолжая наши разыскания истинного места жительства Павлищевых в 1828, 1829 и 1830 гг., также проверяя сведения о месте жительства Пушкиных в 1828 г., нам удалось установить, что в 1828 г. в приходе Владимирской церкви (что в Придворных слободах) числятся «Г-на Павлицева» крепостные: Параскева Никитина 24 лет и Агриппина Михайлова 21 года, а в 1829 г. «Г-на Павлицова» крепостной Петр Михайлов 18 лет.

Фамилии «Павлицев» и «Павлицов» есть не что иное, как искаженная фамилия Павлищева. Это обстоятельство подтверждается прежде всего тем, что приведенные крепостные — наши старые знакомые.

Агриппина Михайлова и Петр Михайлов известны нам как крепостные Пушкиных по селу Михайловскому, значившиеся в ревизских сказках 1816 и 1833 гг. ⁸⁷ Агриппина (Аграфена) Михайлова — дочь Михайлы Григорьева, которой в 1816 г. значилось 10 лет. Петр Михайлов — сын Михайлы Калашникова, управляющего Пушкиных. Ему в 1816 г. значилось 3 года, а в 1833 г. — 21 год. Параскева Никитина, вероятно, дочь того же Никиты Тимофеевича.

Примирение Пушкиных с дочерью состоялось, видимо, довольно скоро. 25 января 1828 г. состоялся брак Ольги Сергеевны с Павлищевым, и уже 18—24 марта Павлищевы располагают дворовыми людьми Пушкиных.

Но всего убедительнее то, что, идя далее, мы находим в том же приходе в 1830 г. запись «Коллежский ассесор Николай Иванович Павлищев 29 лет» и там же «Г-на Пушкина» та же «девица Агриппина Михайлова 26 лет» и «Г-на Пушкина человек Никита Тимофеев 53 лет».

Установив проживание Павлищевых весной 1828 г. в приходе Владимирской церкви (на какой улице и в каком доме, пока нам не известно), нам посчастливилось найти в метрической книге того же прихода за 1828 г. следующую запись № 73 от 31 июля в части третьей, об умерших:

«5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова 76 старостию иерей Алексей Нарбеков. В Смоленской».

Идя далее в наших разысканиях, мы могли обнаружить и запись церкви «Смоленския божия матери, что на Васильевском острове при кладбище», того же 31 июля:

Ирина Родионова дому 5 го клас. чиновника Пушкина служащая женщина л. 76 старость владимерской иерей Алексей Норбеков».

Арина Родионовна умерла, как и родилась, крепостной.

Возраст Арины Родионовны указан в записи неправильно, она родилась в 1758 г. и умерла 70 лет от роду.

Следовательно, умерла Арина Родионовна не в конце июня 1828 г., а 31 июля этого же года и не в доме Дмитриева в Большом Казачьем переулке, а в неизвестном нам пока доме в Придворных слободах, ныне

5 Няня Пушкина

район проспекта Нахимсона. Похоронена не на Больше-Охтенском, а на Смоленском кладбище.

Удивительно, что С. И. Одатович в своем «Описании Смоленского кладбища в СПБурге», опубликованном в 1873 г., не упоминает о захоронении няни Пушкина на этом кладбище. 88 Даже к тому времени не было известно, на каком кладбище она погребена.

Но еще более удивительно, что о месте захоронения Арины Родионовны ничего не было известно сыну Ольги Сергеевны (умершей в 1868 г.). — Льву Николаевичу Павлищеву (рожд. 1834 г.), к которому И. Щеглов в свое время обращался по этому поводу.

Установление даты смерти Арины Родионовны должно повести к другому чтению и пониманию приводившейся неоднократно разными авторами записи поэта в тетради № 2371, л. 16 об. Самую дату записи должно читать не 25 июня, а 25 июля. Крестик рядом со словом «Няня» надо понимать, как отметку, что она умерла. Запись об опере « Elisa е Claud10» имеет в виду спектакль 27 июля.

Написанный в рукописи поэта в конце записи жирно слог «Ня» можно понимать как намерение поэта отметить смерть няни или как начало заглавия какого-то поэтического ей посвящения.

Возможно, что поэт записал первоначально необходимость посетить ее больную, а после хотел отметить ее смерть, но, не дописав, поставил крестик к прежней записи.

Не случайно запись поэта от 25 июля находится рядом с наброском «Волненьем жизни утомленный». Они тематически и хронологически связаны между собою.

Лишь 28 июля 1828 г. Николаем I было утверждено заключение Государственного совета по делу о распространении Пушкиным в списках стихов из «Андрея Шенье», понятых как стихи о декабрьском восстании. По этому заключению утвержден был негласный полицейский надзор за поэтом и отобрана от него подписка, что до рассмотрения цензурой он обязуется своих произведений в рукописи никому не сообщать. Но уже к этому времени против поэта было возбуждено другое дело о принадлежности ему «Гавриилиалы».

Снова тучи надо мною Собралися в тишине, Рок завистливый бедою Угрожает снова мне . Сохраню ль к судьбе презренье? Понесу ль навстречу ей Непреклонность и терпенье Гордость юности моей?

(«Предчувствие», 1828 г)

Такова была обстановка, в которой поэт переживал горечь утраты своей няги и друга.

Только указанными и продолжавшимися тревогами в жизни поэта и его последующими частыми и продолжительными отъездами из Петербурга можно объяснить, что могила няни оказалась забытой и уже через полтора года затерянной.

Жизнь Ольги Сергеевны была также не лишена треволнений сначала из-за временного разлада с родителями, на почве выбора ею друга жизни и тайного от них венчания, а затем из-за начавшихся ссор с мужем, приведших уже в 1830 г. к временному разрыву.

Следует отметить, что на кладбишах к могилам незнатных особ, тем более крепостных, не проявляли никакого внимания, и оставленная без присмотра могила няни оказалась вскоре затерянной.

Вместе с тем надо притти к выводу, что Ольга Сергеевна Павлищева поселилась в доме Дмитриева гораздо позже 1828 г. — после того как она в первый раз разъехалась с мужем (1830 г.), и если мы не встречаем в приходе Введенской церкви ее дворовых в 1831 и 1832 гг, то лишь потому, вероятно, что в связи с отсутствием самого Павлищева дисциплина в доме Ольги Сергеевны сильно пала, а сами слуги — молодые Груша и Петр — не были склонны ходить на исповедь в церковь.

Попутно укажем, что в том же Владимирском приходе проживали: Ганнибал (вероятно, Семен Исаакович, бывший одно время частым гостем Ольги Сергеевны), Дельвиги, Дмитрий Максимович Княжевич (писатель и общественный деятель, товарищ А. Н. Вульфа по университету и знакомый Пушкиных). Проживанием Пушкиных (после весны 1828 г.), Павлищевых, А. П. Керн, Дельвигов и Княжевича в одном приходе объясняются частые посещения их А. Н. Вульфом осенью 1828 г., в бытность его в Петербурге.

Разумеется, о нахождении могилы Арины Родионовны на Смоленском кладбище не может быть и речи. Только потеря могилы вскоре после погребения няни могла привести к тому, что не был воздвигнут ей

памятник еще при жизни поэта, а тем более в дальнейшем.

Когда мы писали эту главу, мы надеялись, что 12 августа 1938 г. (31 июля старого стиля), т. е. к 110-летию со дня ее смерти, на кладбище, где «улегся изнуренный трудом и бременем годов» ее дорогой для нас прах, с самыми теплыми и трогательными воспоминаниями будет закреплена вечная о ней память. Но, увы! Это не осуществилось.